

Попов Григорий Германович

**ВЛИЯНИЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО ФАКТОРА НА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ
ТРАНСФОРМАЦИЮ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ**

В статье рассматривается влияние тюрко-монгольского фактора на развитие государственных институтов Руси в средние века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2009/1/20.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (2). С. 74-80. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2009/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Value and Sense Space of Man

Lugovskaya T. V., Paraykina G. A.

*Department of Personality Development Psychology
Lesosibirsk Teachers' Training Institute – Siberian Federal University Branch
pgalina777@mail.ru*

Abstract: The phenomenon of value and sense space of man is analyzed. The system of value views and senses that controls social and individual objective reality is set by the culture. The culture values are the essence of the man self-value. So a modern man needs to form his or her value and sense space to exist in the world consciously.

Key words and phrases: value; sense; man consciousness; philosophical knowledge; sense-formation; theory of activity; motivation.

ВЛИЯНИЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОГО ФАКТОРА НА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Попов Г. Г.

*Кафедра организационного развития
Российский государственный гуманитарный университет
grigorijpopov1977@yandex.ru*

Статья рекомендована к публикации д. и. н., проф. Борисовым В. М. и к. и. н., доц. Овченко Ю. Ф.

Аннотация: В статье рассматривается влияние тюрко-монгольского фактора на развитие государственных институтов Руси в средние века.

Ключевые слова и фразы: диффузионизм; Золотая Орда; монгольские завоеватели; Монгольская империя; удельные князья; бояре; история Москвы монгольского периода.

Тема влияния тюрко-монгольского фактора на развитие государственных институтов Руси в средние века остается до сих пор объектом серьезных дискуссий. Разные интерпретации русско-монгольских отношений происходят в первую очередь от дефицита источников, а также от чисто субъективных идеологических установок, характерных для той или иной современной эпохи или же научной школы. Импорт институтов Русью в средние века почти не признавался «мэйнстримом» советской исторической науки. Поэтому до сих пор в тематике импорта институтов в Россию вообще существует множество пробелов. Примерно также дело обстоит с компаративистским анализом России и других стран в средние века.

Дело в том, что в советской исторической науке главенствовал эволюционизм, теории диффузионистов были оттеснены на периферию советского научного сообщества к 1940-м г.г. и возродились вновь лишь в середине 1990-х гг. [Алексеев, Нефедов, Побережников], когда с проблематикой импорта институтов стали работать в основном экономисты и социологи. Все фундаментальные труды, которые можно отнести к теории диффузионизма, были созданы в России до Второй мировой войны представителями дореволюционного поколения историков (Владимир Германович Богораз-Тан (1865-1936) «Распространение культуры на земле. Основы этногеографии» (М.-Л., 1928) и Петр Федорович Преображенский (1894-1937) «Курс этнологии» (М.-Л., 1929).

Как видно из названий двух вышеприведенных работ, диффузионизм развивался в СССР в ключе этнографии, затрагивая тем самым общие теоретические вопросы исторического знания.

Вместе с тем, диффузионизм за рубежом и в России стал последние два десятилетия широко применяться в изучении исторического процесса и в исследованиях взаимодействия земледельческих и кочевых обществ Средневековья [Turchin, p. 2], однако идеи этого методологического направления в исторической мысли присутствуют в трудах многих ученых первой половины прошлого века; некоторые мотивы диффузионизма, к примеру, прослеживаются в работах известного востоковеда В. В. Бартольда, в частности, в его концепции воздействия на тюркок-кочевников мусульманских земледельческих культур.

Изучение импорта институтов в средневековую Россию затруднено нехваткой письменных источников, сомнениями достоверности изложения событий в немалом их числе. Между историками нет, например, согласия по вопросу о званиях десятника, пятидесятника и сотского, были ли они исконно славянскими или появились как результат установления новой податной системы монгольскими завоевателями [Россия и степной..., с. 160-162], поскольку нет прямых документальных указаний по этому поводу.

Письменных источников, по которым мы можем заключить, насколько сильно монголы повлияли на

развитие Русского государства именно в институционально-правовом аспекте у нас очень мало, и то, что есть, это – косвенные свидетельства. Данную ситуацию хорошо прокомментировал В. А. Кучкин: «238 лет монголо-татарского господства над Русью, казалось бы, должны были оставить многочисленные свидетельства о системе чужеземной власти в покоренных русских княжествах, но этого нет. Сохранились яркие описания карательных и репрессивных действий ордынских ханов, их темников и баскаков в отношении русского населения, от его низов до князей включительно, но сведения об организации, структуре, функциях, круге прав и обязанностей иноземных властителей приходится собирать по крупицам» [Цит по: Россия и степной..., с. 165].

А. Н. Насонову пришлось доказывать наличие на Руси второй половины XIII в. постоянных отрядов баскаков в основном по названиям русских сел, сохранивших в своей основе слово «баскак». География таких сел указывает на наличие целой системы опорных пунктов монгольских подразделений, обеспечивавших сбор дани и полицейские функции, связанные с этим [Насонов, с. 234-240]. Во главе таких подразделений, как утверждает Насонов, стояли монголы. Действительно, если рассуждать логично, то ставить во главе баскаческих отрядов русских не имело смысла, как и формировать их сами в таком случае.

Ряд ученых убеждены, что даннический характер подчинения Руси Золотой Орде не мог привести к кардинальной ломке старых славянских устоев государственности, поскольку номады не входили в состав бюрократии земледельческих народов, а являли собой своего рода эксплуатирующую надстройку [Россия и степной..., с. 168-179; Крадин]. С такой концепцией трудно согласиться, номады действительно не всегда входили в состав правящих элит покоренных ими стран, но империя Ченгизидов, а вернее система образованных ими государств, были не обычными кочевыми объединениями, а военно-паразитическими государственными системами, аристократия которых сохранила лишь внешние признаки кочевого образа жизни, своего рода дань традиции. Эта военно-паразитическая аристократия вполне могла, когда ей было необходимо для обеспечения собственных интересов, вводить на той или иной территории свое прямое правление в различных формах, Русь не составила здесь исключение.

Монгольские завоеватели установили свое прямое управление над землями Переяславского княжества и какое-то время полностью контролировали Киев. Для полного овладения лесостепной полосой с последующими частичными истреблением и ассимиляцией ее земледельческого населения у монгольских завоевателей и их кыпчакских вассалов просто не хватило сил, тем более, что основные ударные силы монголов были брошены на Ближний Восток и в Китай.

Пока в Причерноморье и в Поволжье между племенами кочевников и экологической системой сохранялся баланс, а коренная племенная знать еще не оправилась после понесенных от монголов поражений, эксплуатация Северо-Восточной Руси носила преимущественно даннический характер. Южная Русь ушла из-под власти Ченгизидов вследствие русско-литовского «контрнаступления». После начала смут в Орде и потери значительной частью «кочевой» аристократии стабильных источников дохода началось давление тюрко-монгольского фактора на Северо-Восточную Русь уже в форме попыток прямого поселения ордынцев, или татар русских летописей, непосредственно на территории русских княжеств. Такое переселение далеко не всегда носило мирный характер, помимо непосредственно миграции продолжались жестокие набеги на Северо-Восточную Русь.

Монгольская империя представляла собой сложный механизм, вобравший в себя ценности цивилизаций Ислама и Китая, монгольская военная аристократия, повторимся, перестала вести кочевой образ жизни, к тому же, к ней присоединилась аристократия покоренных народов, в Поволжье это была булгарская знать, в Причерноморье – кыпчакская, сыгравшая одну из главных ролей в распаде Золотой Орды. На завоеванных монголами территориях широкое распространение получила земледельческая культура, от истребления оседлого населения монгольские завоеватели довольно быстро перешли к его эксплуатации и даже экономической поддержке в форме податных льгот.

Из оценки Монгольской империи как военно-паразитического образования, в котором активно прогрессировало разложение кочевых традиций непосредственно монгольских завоевателей, мы должны заключить, что схема отношений номады-земледельцы применительно к Орде и Руси приемлема только для отдельных периодов русско-ордынских отношений, причем, с учетом их региональной специфики. Принимать эту схему всецело для анализа русско-монгольских отношений есть все равно, что рассматривать норманнскую теорию через призму социально-экономической связки славяне-земледельцы и скандинавы-китобой.

При изучении монгольского влияния на трансформацию Русского государства мы должны учитывать социально-культурный фактор, религиозные аспекты, интересы властных элит, включая русских князей и монгольских ханов, развитие сознания народных масс и т.д.

Ряд советских и российских исследователей, исходя из видения монгольского общества как чисто кочевой системы и не принимая во внимание чисто военно-аристократический характер его ведущих структур, отрицают возможность влияния монгольских завоевателей на трансформацию Русского государства, особенно на изменение его институтов. Наиболее типично отражает этот взгляд на последствия для Руси ее столкновения с монголами следующая цитата Ю. В. Кривошеева: «Нам же важно еще раз подчеркнуть, что суть даннических отношений влечет за собой вывод о сохранении монголами на Руси государственной общественной системы, сложившейся к середине XII в., и продолжавшей развиваться в начале XIII в., т.е. городов-государств, для которых была характерна широкая вечевая деятельность как проявление прямого народовластия; княжеские институты при этом представляли как органы исполнительной власти» [Цит. по:

Россия и степной... , с. 175].

Позицию «за» прямое воздействие монгольских завоевателей на институциональную трансформацию русского общества в средние века занимали в свое время историки-евразийцы и наиболее яркий их представитель, Г. В. Вернадский. Поздний Вернадский придерживался мысли, что трансформация Русского государства произошла под воздействием в первую очередь экономических последствий монгольской агрессии XIII в., когда в результате разрушения городских центров была сильно нарушена привычная хозяйственная система Древней Руси, для которой было характерно экономическое главенство города. Князья и бояре вынуждены стали заводить свои маноры и начали более тяготеть к земле, поскольку торговля и ремесло, а также доходы от них, включая даннические платежи, резко сократились в общем хозяйственном укладе Руси после монгольского нашествия 1237 – 1240 гг. [Вернадский]. Манор стал основой нового хозяйственного уклада русских земель, Москва в монгольский период была ни чем иным, по Вернадскому, как манором Великого князя. Роль городского веча, как и экономическое значение городов, резко упали. Посмотрим, верна ли такая позиция, опираясь на фактический материал по монгольскому периоду.

Обратимся к опровержению ее главных контраргументов: сохранение русскими вечем и городом главенствующей роли в политической жизни государства и независимость боярства. Надо отметить, что А. Н. Насонов одним из первых увидел начало изменения правового статуса боярства как результат влияния монгольской власти, когда монгольские ханы определяли некоторых бояр в подручники князьям [Насонов, с. 266]. В этой связи примечателен один исторический факт, приводимый, в частности, Костомаровым, Михаил Тверской в начале 1370-х гг. выдвигал претензии на часть земель Новгородской республики только потому, что его бояре на ее территории приобрели себе несколько вотчин [Костомаров, с. 206]. Согласно древнерусскому праву, такие претензии были лишены оснований, поскольку боярская собственность и личность боярина находились вне зависимости от князя, но, по монгольскому праву, Михаил Тверской имел основания для притязаний к Новгороду. Таким образом, этот князь одним из первых стал рассматривать бояр как лично зависимых от своей власти людей.

Михаил Тверской ездил в Орду и поддерживал хорошие отношения с Мамаем. Несомненно, именно в Орде он мог усвоить идеи нового для Руси, восточного, порядка отношений князя со знатью. У себя в княжестве он проводил политику централизации, напоминающую в какой-то степени политику Иоанна III по отношению к удельным князьям. На то, что Михаил Тверской был сторонником новых порядков в деле устройства власти и престолонаследия, указывает следующая цитата из «Истории государства Российского» Карамзина: «Василий Михайлович Кашинский, долговременный неприятель Всеволода Холмского, ссорился с братом его, Михаилом Александровичем (княжившим прежде в Микулине) за область умершего Симеона Константиновича. Дядя хотел быть главою княжения; а племянник доказывал, что он, будучи сыном брата старшего, есть наследник его прав и властелин всех частных уделов [Карамзин, т. V, с. 8]». Обратим особое внимание на фразу «и властелин всех частных уделов», это – новинка для русского права, однако не выдуманная непосредственно князем Михаилом и даже признававшаяся церковью, поскольку Михаил получил поддержку в споре тверского епископа, но последний не решился самолично разрешить спор между дядей и племянником, поэтому обратился к суду митрополита Алексея.

Подчинение бояр и удельных князей великому князю происходит в ту же эпоху и в Москве, только там оно проходило, в отличие от Твери, без конфликтов и особо сильного давления на удельных князей. Интересен отрывок из договора от 1364 года Дмитрия Иоанновича, будущего Дмитрия Донского, со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем, приводим этот отрывок по Карамзину: «Ты, меньший брат, участвуй в моих походах воинских, имея под княжескими знаменами всех бояр и слуг своих: за что во время службы твоей будешь получать от меня жалованье [Там же, с. 5]». Таким образом, из договора можно сделать вывод, что бояре, как и слуги, обязаны все явиться по призыву великого князя, то есть в Москве середины XIV в. действовал феодальный, по своей сути, порядок, когда вассал является на службу к сюзерену со своими вассалами. Но этот порядок едва ли пришел на Русь из латинской Европы, как и правило единонаследия, а также принцип единой державы, которые безуспешно пытался отстоять в Тверском княжестве Михаил Александрович.

Из способа разрешения конфликта Михаила Александровича со своим дядей видна конституирующая роль церкви в «монгольской» Руси, епископ Твери обратился за судом к митрополиту, который держал сторону Москвы. Рассмотрение данного факта показывает нам, что воля бояр и веча вообще не учитывается, совсем не видна роль княжеской дружины. Как и в случае договора между Дмитрием Донским и его двоюродным братом Андреем Владимировичем, посредническое решение по установлению порядка отношений между тверскими князьями принимает митрополит. Это означает, что политический порядок в Восточной Руси при монголах заметно изменился, и мы увидим при рассмотрении других некоторых ключевых событий монгольского периода русской истории.

Интересен и еще один отрывок из договора Дмитрия Донского со своим двоюродным братом, приводим его по Карамзину: «Выходцам ордынским отправлять свою службу, как в старину бывало» [Там же]. Это означает, что в землях Московского княжества татары служили по какому-то особому порядку, завезенному полностью или частично из Золотой Орды, этот особый порядок мог и стать образцом для московских князей, по которому они преобразовывали свои отношения с боярством. Несомненно, служилые татары, которых уже было, по всей видимости, много при Дмитрии Донском несли информацию о государственном устройстве улусов Чингизидов.

В Москве вечевые традиции ощущаются менее всего, если проследить историю этого города в монгольский период. К XIV веку из рук веча судебная власть окончательно переходит к князьям, а само вече даже в Новгороде стало вынуждено считаться с ханским ярлыком при решении о принятии того или иного князя.

Московские князья при принятии важных решений не собирают вече и не советуется с представителями городских верхов. Надо сказать, что в Восточной Руси не существовало городских коммун [Тихомиров, с. 164], да и городского населения в юридическом смысле этого термина. Посадских мы лишь условно для удобства исследований можем считать городскими жителями, хотя к посадским юридически причислялись и жители деревень, человеку достаточно было заниматься ремесленными или торговыми промыслами и жить среди таких же, как он, ремесленников и торговцев, чтобы стать посадским. Посады располагались нередко в селах и при монастырях. В городах же постоянно могли жить люди, не имевшие отношения к посадке, так называемые, слободские, или же холопы, проживавшие при дворах бояр и дворян.

Н. П. Павлов-Сильванский увидел схожести между правовым положением германских бюргеров XVI в. и русскими посадскими людьми того же времени, но он же упоминает, что русские города не знали характерной для Запада цеховой структуры. Посадские на Руси были организованы в земские общины из фискальных соображений, но во всем остальном они не были похожи на западноевропейских горожан, поскольку не имели четкой производственной организации, а, значит, они не имели коммунальной средневековой структуры, что в наибольшей степени отделяло город от деревни в средние века.

Беглый обзор ключевых событий истории Москвы монгольского периода, приведенные у Карамзина, показывает, что вече в этом городе крайне редко созывалось, можно сказать, что москвичи почти не придерживались вечевых традиций. Мы замечаем сохранение вечевых традиций в Ростове, Ярославле, Владимире, Переяславле и Ниж. Новгороде, но к XV веку они тоже практически увядают.

Начнем данный обзор с такого краткого события, как постройка Московского Кремля, у Карамзина об этом записано так: «Видя, сколь деревянные укрепления ненадежны, великий князь в общем совете с братом, Владимиром Андреевичем, и с боярами решил построить каменный Кремль и заложил его весною в 1367 году [Карамзин, т. V, с. 7]». Дмитрий Донской не советуется при решении о постройке Кремля с какими-либо представителями городских верхов, хотя, несомненно, население Москвы должно было нести издержки при столь грандиозном, по тем временам, строительстве.

Упразднение должности тысяцкого и казнь Ивана Вельяминова не встретили особого недовольства со стороны жителей Москвы, к тому же, братья Вельяминова благополучно служили при великом князе. Только в августе 1382 года москвичи собрались на вече ввиду опасности перед войсками Тохтамыша, но это был неординарный случай, Дмитрий Донской и митрополит бросили город, вероятно, его покинуло и большинство бояр, только тогда в Москве ударили в колокола [Там же, с. 34]. К событиям 1382 года относится единственное крупное вечевое выступление жителей Москвы, и это выступление рисуется историками как хаотичный бунт, вылившийся в уличные бои между собравшимися на вече жителями города.

В конфликте между Василием II и его дядей Юрием мы тоже не замечаем проявления вечевых традиций, основными действующими лицами здесь выступают бояре и дворяне. Когда в апреле 1433 года Василию II угрожала в Москве опасность со стороны дружины его дяди Юрия, он не обратился к горожанам, имея при этом ничтожные военные силы, не созвал, как это было принято в киевский период в таких ситуациях веча.

Если мы обратимся к истории других крупных городов Восточной Руси, то увидим, что вече там, как, впрочем, и в киевский период носило стихийный характер, мы не видим, чтобы оно стало постоянно действующим органом, выражающим интересы преимущественно городской аристократии, как было на Западе с городскими магистратами. Например, в 1304 году после смерти великого князя Андрея Александровича восстали Кострома и Нижний Новгород, ненавидевший покойного князя за его проордынскую политику народ расправился с несколькими верными ему некогда боярами. Восстанию в Нижнем Новгороде определенно предшествовало вече. Нижегородский князь Андрей Ярославович, тоже придерживавшийся промонгольской позиции, прибыв из Орды, казнил организаторов веча с тем предлогом, что «чернь не имела власти судебной, исключительно права княжеского [Там же, т. IV, с. 483]». Не совсем понятно, почему и когда вече в Восточной Руси лишилось права на суд и расправу, что являлось его древней прерогативой. Несомненно, что Андрей Ярославович в своей расправе над «своевольными» нижегородцами опирался на ордынскую силу и на принесенный с Востока обычай.

На то, что уже в XIV веке город на Руси стал утрачивать политическую силу, указывает история отношений Михаила Ярославича с Новгородом. Будучи великим князем, Михаил Ярославович направил своих наместников в Новгород и Псков. Поведение этих наместников вызвало крайнее недовольство новгородцев и особенно псковичей, последние пострадали из-за трусливого поведения наместника князя Михаила Федора, который бежал из города в 1307 при приближении тевтонских рыцарей.

По всей видимости, Федор бежал вместе с отрядом выделенных для защиты Пскова тверских дружинников, поскольку псковичи не имели сил защищаться и быстро пошли на переговоры с магистром Ордена, сделав ему невыгодные для себя уступки.

Другой наместник тверского князя – Борис – так довел своими грабежами новгородских карелов, что те бежали к шведам. Однако в ответ на жалобы новгородцев Михаил Ярославович не то, чтобы сменил своих наместников, а устроил Новгороду своего рода продовольственную блокаду, из-за чего его жители вынуждены были принять назад княжеских наместников. Однако новгородцы не оставили надежд от них избавиться, в 1315 году Новгород признал себя зависимым от Юрия Московского. Князю Михаилу ничего не оставалось,

как обратиться за помощью к монголам, и те ее предоставили. 10 февраля 1316 г. русско-монгольское войско Михаила разгромило новгородское ополчение близ Торжка. Новгородцы выплатили большую контрибуцию, но история на этом не закончилась.

Новгородцы решили сами обратиться к хану Узбеку с жалобой на Михаила, кто-то донес последнему об этих планах, что вызвало в 1317 году новую войну Твери с Новгородом, инициатором которой выступил князь Михаил.

Не исключено, что эта история закончилась бы полным подчинением Новгорода Твери с далеко идущими отсюда для всей Руси последствиями (Тверь, а не Москва в таком случае с большей вероятностью могла стать центром объединения русских земель), но новгородцам помогли нерешительность и отсутствие военного таланта у Михаила, его воины, так и не вступив в бой, большей частью умерли от голода в тайге.

Какие выводы мы можем сделать из рассмотрения этого конфликта. Во-первых, главной силой в разрешении споров в монгольский период стали не вече, а ханская воля, решения новгородского веча, как правовой акт и как политическая воля граждан, не играют для князя никакой роли, это и понятно, князь почувствовал за собой мощную силу – монгольское войско. Во-вторых, воля князя ставится выше воли веча через монгольскую помощь первому, хан дает военную поддержку Михаилу не просто для разрешения местного спора, а для усмирения воспротивившихся монарху горожан, таким образом, вольные, по старым русским законам, горожане, оказываются в роли безропотных подданных князя. Отсюда, совершенно верен вывод А. Н. Насонова об антивечевой политике Золотой Орды.

На что конкретно собирались жаловаться хану Узбеку новгородцы? Лихоимства чиновников не могли явиться поводом для жалоб, на это и ханы закрывали глаза и у себя в Орде. Нет, главным обвинением новгородцев в адрес Михаила было его нежелание защищать русские земли от шведов, что явствует из изложения этой истории Карамзиным [Там же, с. 484–485].

Михаил Ярославович особенно не имел склонности к ратным делам. Но обвинение в отказе оборонять Новгород от шведов звучало как обвинение в отказе оборонять улус Джучиев, вот, поэтому-то Михаил так негодовал в адрес новгородцев. По всей видимости, этот же аргумент в пользу того, чтобы лишить Михаила великого княжения, а, значит, и прав на Новгород был выдвинут Юрием Московским, так в первый раз тверские князья впали в немилость к хану, а Москва начала возвышаться.

Если князья Восточной Руси так позволяли себе поступать с правами искони вечевого и свободного Новгорода, то можно себе представить, как они обращались с городами собственно Владимиро-Суздальской Руси.

В самой Твери не особо видны вечевые традиции, как и в Москве, князь при принятии важных решений советуется с боярами и духовенством. На это указывает пример из жизни того же Михаила Ярославича. В 1321 году Юрий Московский решил разгромить Тверь, вместе с большой ратью, состоявшей частично из монголов, он вторгся в пределы Тверского княжества. Князь Михаил долгое время не решался выступить ему навстречу, наконец, он собрал бояр и в присутствии епископа обратился к ним с речью: «Судите меня с племянником, не сам ли хан утвердил меня на великом княжении? Не заплатил ли ему выхода, или царской пошлины? Теперь отказываюсь от сего достоинства и не могу укротить злобы Георгия. Он ищет головы моей, жжет, терзает мою наследственную область. Совесть меня не упрекает, скажите, виновен ли я перед Георгием? [Карамзин, с. 19]». Михаил Ярославович обращается к боярам, но не к городскому вечу, представителем горожан на этом совете вообще нет [Там же, с. 486], хотя принималось важное решение, давать московскому войску сражение или нет. Очевидно, что тверские бояре в начале XIV в. имели еще независимый статус, поэтому князь Михаил вынужден общаться с ними, как с равными, прося их о военной помощи.

Тверь, по всей видимости, в XIV в. была манором князя, то есть напоминала Москву. Таким образом, конфликт Твери и Москвы – это столкновение двух родственных систем за первенство в Восточной Руси и в Новгороде. Москва победила почти исключительно за счет переезда в нее митрополита.

Восстание 1327 года в Твери с трудом можно считать проявлением вечевых традиций, это было стихийное выступление, в ходе своего развития поддержанное дружинниками князя.

Противники евразийской концепции утверждают, что города как социально-экономические центры продолжали играть ключевую роль в монгольский период. Дело в том, что они исходят из западноевропейской трактовки понятия «город» применительно к средним векам. Как показал историк Дьяконов, под термином «город» в древнерусском языке и ментальных представлениях восточных славян понимался просто укрепленный пункт, это могла быть обычная деревня, обнесенная частоколом, или даже временное оборонительное сооружение [Дьяконов, с. 67–68]. Поэтому трудно в исторической географии Древней Руси отделить город от крупных сел. В социально-экономическом смысле городов на Руси было мало.

Во Владимиро-Суздальской Руси положение осложняется тем, что это был край сравнительно поздней древнерусской колонизации, где население долгое время концентрировалось в колониальных центрах, являвшихся фактически крупными селами, но при этом получившими в летописях статус городов. Отсюда в Восточной Руси не было четкого юридического определения горожан.

Вместе с тем, очевидно, что в Восточной Руси монгольского периода определяющую роль стали играть бояре, именно они, как верно показывали дореволюционные историки, укрепили власть московского князя. Другой важной силой стала церковь. Таким образом, в монгольский период в Восточной Руси сформировались три силы, которые будут определять политическое и социально-экономическое развитие государства практически до XVIII столетия, это – монарх, боярство и церковь. На это и указывают вышеприведенные

факты, Михаил Ярославович в момент большой опасности обращается к боярам и епископу, малолетнего Дмитрия Иоанновича поддерживают бояре и митрополит Алексей.

Именно фактическое положение Москвы как княжеского манора, наложило свой отпечаток на развитие Восточной Руси, московские князья не уважали вечевые традиции других русских земель, что означало исключение в постмонгольский период возможности образования сильных городских коммун, тоже принимающих участие в строительстве централизованного государства. Если в латинской Европе городские коммунны были одной из главных опор королевской власти в процессе образования централизованного государства, то на Руси городскому населению не суждено было сыграть такой значительной роли.

Монгольское завоевание на Руси привело к коренной трансформации государственных институтов в сторону феодализации. Остается, правда, ответить на вопрос, был ли феодализм импортирован на Русь с Востока вместе с характерными для азиатских деспотий институтами или же он пришел с Запада, из Литвы? Дело в том, что в Литовско-Русском государстве в XIV в. сложилось феодальное общество с вассальной зависимостью бояр и удельных князей от великого князя. Если подходить к ответу на данный вопрос с чисто хронологической стороны, то феодализм едва ли мог быть «завезен» в Восточную Русь из Литвы, поскольку служба с землей определено появилась в Москве в годы правления Ивана Калиты, то есть в начале XIV в., когда контакты Литвы с Северо-Восточной Русью еще не имели столь тесного характера.

В Литовско-Русском государстве были сохранены удельные права князей рода Рюриковичей, степень их жесткой вассальной зависимости сложно определить, если речь идет о XIV в. Политический строй самой Литвы, то есть территорий, считавшихся искони литовскими, сильно отличался от Руси Рюриковичей, литовцы не знали ни наследственных уделов, ни независимости младших князей от великого князя [Любавский, с. 66-71]. В этом смысле Литва была организована более рационально и централизованно, нежели Московская Русь, где княжеские уделы сохранялись вплоть до эпохи Ивана Грозного.

Принцип обязательной явки вассала со своими вассалами к сюзерену во время войны произошел от призывов русских князей на службу Орде в XIII в., от монголов русские заимствовали, как считал Г.В. Вернадский, всеобщую воинскую повинность. Обязательный приход младших князей к великому князю по призыву последнего был наиболее широко реализован во время подавления восстания 1327 г. в Твери, когда почти все князья Северо-Восточной Руси вынуждены были встать под стяги московского князя Ивана Калиты, поскольку на то была ханская воля.

Уже до Ивана Калиты, по А. Н. Насонову, у князей Восточной Руси появляются бояре-подручники, правда, это явление было еще не столь типично. Вместе с феодальными институтами в Московской Руси появляются и другие институты, присущие Востоку. Русский феодализм развивался почти параллельно с институтом царской власти, и в этом заключается одно из коренных отличий России от Запада в средние века. В Западной Европе усиление власти монарха сопровождалось подавлением феодальных свобод баронов, а затем и дефеодализацией общества, королевская власть в этом процессе опиралась на горожан и дворянство.

Вместе с тем, сочетание сильной монархии с феодальными институтами было типичным для Востока и Византийской империи. Исключение в каком-то смысле составляет Золотая Орда, однако ее распад стал следствием не усиления феодализма, который там имел своеобразные формы, а борьбы между этническими группировками за верховную власть (похожая ситуация была в России во время Смуты). Совпадение дефеодализации с усилением монархии в континентальной части Западной Европы и феодальной раздробленности с ослаблением монархии дали историкам повод сделать вывод, что феодализация общества обязательно должна следовать за ослаблением монархии и, соответственно, – наоборот. Однако история Московской Руси показывает нам иное.

На восточные основы русского феодализма указывает также то обстоятельство, что иммунитетные грамоты в Московской Руси именовались тарханскими, а лица, владевшие феодальными иммунитетами, тарханниками. Тархан – юридическое понятие тюркских обществ, почти аналогичное западному иммунитету. При этом тарханниками в тюркских государствах называли людей, особо приближенных к хану и пользовавшихся привилегиями, включая право самостоятельного сбора дани в свою пользу в пределах вверенной ханом территории. Тарханником мог стать практически любой человек в улусах Чингизидов, но в основном это звание ассоциировалось с военной службой. К примеру, в Хазарском каганате тарханниками называли служилых людей [Новосельцев].

Вассалитет между князьями появился, как считал Костомаров, в связи с практикой выдачи ярлыков, когда власть великого князя стала подкрепляться военной силой Орды [Костомаров, с. 234], и действовало это правило, как мы видели выше, не только относительно удельных князей, но и городов, например, Новгородской республики. Только в таких условиях институт великокняжеской власти, ставший в киевский период чистой формальностью, начал перерастать в монгольский период в самодержавие.

Сами идеи государственного устройства, основанные на принципе единодержавия, московские князья заимствовали с Востока, обращаясь к примерам Золотой Орды. На это косвенно указывает один факт, Иоанн III в своем намерении утвердить единодержавие на Руси ссылается в переписке с крымским ханом на опыт Чингизидов. Как считал Иван III, государство монголов было сильно, когда им правил один хан, значит, он делает вывод, такой же порядок надо установить и в Москве [Дьяконов, с. 186].

Было ли единодержавие вместе с феодальными институтами импортировано на Русь из Византии при Иоанне III? Возможно, какие-то отдельные институты и были заимствованы, но идея самодержавной царской власти пришла все-таки из Орды. В условиях монгольского господства на Руси насаждалась идея

незыблемости и неприкосновенности царской, иже ханской, власти. Отчасти проводником таких идей была церковь, в ряде случаев сдерживавшая великих князей от прямых столкновений с Ордой [Хорошев] (о том же, только в гораздо более мягких тонах пишет Р. Г. Скрынников [Скрынников]). Поэтому импорт царской власти из Византии сам по себе не мог стать причиной развития в Московском государстве самодержавия, для этого необходима была соответствующая политическая почва.

Восточная Русь в XV–XVII вв. напоминает улусы Чингизидов, это, во-первых, – почти полное юридическое отсутствие городского населения и коммунальной организации городов, во-вторых, жесткое прикрепление сословий к государственным повинностям, собственно, последние и дали импульс к формированию сословий, в-третьих, сравнительно свободный переход из одного сословия в другое при условии ослабления государственного фискального контроля, в-четвертых, почти полное отсутствие ограничений власти монарха (принцип абсолютного суверенитета монарха, не имевший аналогов в Европе, кроме Османской империи).

Список литературы

- Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В.* Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. С. 152-183.
- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М.: ЛЕАН АГРАФ, 2004.
- Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Калуга: Золотая аллея, 1994. Т. IV.
- Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. V.
- Крадин Н. Н.* Кочевые общества. Владивосток: Дальневост. отд.-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока, 1992.
- Костомаров Н. И.* Господство дома Святого Владимира. М., 2007.
- Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.
- Насонов А. Н.* Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2006.
- Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., Наука, 1968.
- Россия и степной мир Евразии: очерки / под ред. Ю. В. Кривошеева.* СПб.: Изд-во С.- Петерб. Ун-та, 2006.
- Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956.
- Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986.
- Скрынников Р. Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991.
- Turchin P.* Historical Dynamics. Why States Rise and Fall. Princeton and Oxford, 2003.

The Influence of Turco-Mongolian Factor on the Institutional Transformation of North-East Rus

Popov G. G.

*Department of Organizational Development, Russian State Humanities University
grigorijpopov1977@yandex.ru*

Abstract: The influence of Turco-Mongolian factor on the state institution development of Rus in the Middle Ages is researched.

Key words and phrases: diffusion; the Golden Horde; Mongolian conquerors; Mongolian Empire; appanage princes; boyars; the history of Moscow in the Mongolian period.